

УДК 81-112

UDC

DOI: 10.17223/18572685/75/14

Лексика общеотрицательной оценки в русинском языке (историко-культурный аспект)

Л.П. Дронова

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: lpdronova@mail.ru

Авторское резюме

Слова, обозначающие общую оценку, относятся к категории слов-ключей этнокультурной специфики. Исторический анализ показал, что эта лексика в русинском языке является собственно славянской при одном заимствовании-германизме (*нефайный*). Часть общеотрицательной лексики имеет праславянскую глубину формирования, причём *злый*, *недобрый* являются общеславянскими в общеоценочном значении, в то время как *лихий*, *слабый* больше связаны с частной оценкой. Вторая часть этой группы лексики более позднего происхождения, этнокультурно специфична (*пудлый*, *паскудный*, *планый*) и отражает уже внутриславянские региональные контакты с западнославянскими (польский, словацкий, чешский) и восточнославянскими (украинский) языками. Эта вторая часть лексики продолжает традицию выражения общеотрицательной оценкой несоответствия разным аспектам нормы: функциональное несоответствие норме – *нефайный* (как и *злый*, *недобрый*), количественное несоответствие норме – *паскудный* (как и *лихий*), качественное несоответствие норме – *планый* (как и *слабый*). Новый аспект несоответствия норме связан с понятием пространственной характеристики социальной дифференциации – «низкий» (*пудлый*). С точки зрения историко-культурной общеотрицательная лексика нового поколения (в отличие или в развитие общеславянской) характеризуется тем, что *нефайный* продолжает, вслед за *злой*, *недоброй*, дальнейшую реализацию абсолютной, этико-эстетической, оценки, в то время как остальные лексемы связаны с рациональной оценкой, ее видами – нормативно-телеологической (*пудлый*, *паскудный*) и утилитарной (*планый*).

Ключевые слова: русинский язык, общеотрицательная оценка, межславянские контакты, историко-культурная специфика

Lexis of general negative evaluation in the Rusin language (a historical and cultural aspect)

Liubov P. Dronova

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: lpdronova@mail.ru

Abstract

Words denoting general evaluation belong to the category of keywords of ethno-cultural specificity. The historical analysis has shown that this vocabulary in the Rusin language is actually Slavic with one Germanic borrowing (*nefaynyy*). Part of this general negative lexis has proto-Slavic deep formation, where the words *zlyi*, *nedobryi* are common Slavic in the general evaluative meaning, while the words *likhiy*, *slabyy* are more related to specific evaluation. Other lexemes are of later origin and ethno-culturally specificity (*pudlyy*, *paskudnyy*, *planyy*) and reflect the intra-Slavic regional contacts with the West Slavic (Polish, Slovak, Czech) and East Slavic (Ukrainian) languages. These lexemes extend the tradition of expressing general negative evaluation through inconsistency with different aspects of the norm such as functional inconsistency with the norm: *nefaynyy* (along with *zlyy*, *nedobryy*), quantitative inconsistency with the norm: *paskudnyy* (along with *likhyy*), qualitative inconsistency with the norm: *planyy* (along with *slabyy*). A new aspect of inconsistency with the norm is related to the notion of spatial characterization of social differentiation: “low” (*pudlyy*). From the historical and cultural perspective, the new generation of general negative evaluation (unlike the common Slavic) is characterized by the fact that *nefaynyy* follows *zloy*, *nedobryy* in further realization of absolute ethical-esthetical evaluation, while the rest lexemes are associated with rational assessment and its kinds: normative-teleological (*pudlyy*, *paskudnyy*) and utilitarian (*planyy*).

Keywords: Rusin language, general negative evaluation, intra-Slavic contacts, historical-cultural specificity

Слова-оценки, лексика, выражающая общую и частную оценку, давно привлекла наше внимание. Лексика с общеоценочным значением, фиксирующая выбор, предпочтения определенного времени через обобщение конкретного признака до максимально значимого и мотивирующего общую оценку, особенно интересна в этнокультурном, лингвокогнитивном аспектах, поскольку оценка сводит в едином фокусе знания о мире, социальные стереотипы, личностные предпочтения, цели речевых актов и многое другое. Актуальность изучения древнеславянской фундаментальной аксиологии в зеркале праславянской лексики отмечал А.Ф. Журавлев: «...к существенным моментам, одновременно отсылающим как к материальной, так и к духовной культурным традициям, следует причислить аксиологические установки, свойственные данному человеческому сообществу» [7: 8]. Актуальность изучения аксиологической стороны языковой картины мира сохраняется в настоящее время, прежде всего, в связи с конкретным ареалом, конкретной этнокультурой, с учётом сложности становления этнокультур малых по численности народов. Оценочные средства языка заключают в себе и собственно оценочные (субъективные), и дескриптивные (объективные) смыслы. Тот и другой вид значения могут быть представлены в конкретном случае в различном соотношении (от нуля оценочных смыслов до нуля дескриптивных). В выражениях естественного языка, которые приписывают объекту те или иные свойства, оценочный и дескриптивный компоненты неразрывно связаны и во многих случаях неразделимы. Связь дескриптивных и собственно оценочных смыслов в значениях слов наиболее очевидно проявляется в системе прилагательных, которые и являются объектом нашего внимания в данном случае.

Если раньше нас интересовала аксиологическая лексика с точки зрения становления и эволюции общей и частной оценки на материале славянских языков с фокусом внимания на древнерусском и русском языках, то в данном случае мы смещаем фокус внимания на русинский язык с целью выделить унаследованное из общеславянского и проследить становление в языке общей отрицательной оценки в ситуации сложной картины языковых контактов в этом регионе. Для решения задачи использованы имеющиеся в доступности словари языка русинов, бойков, гуцулов, лемков и данные некоторых этимологических словарей (этимологический словарь славянских языков – ЭССЯ, этимологический словарь украинского языка – ЕСУМ и др.), привлекающих материал анализируемых языков.

Лексика русинского языка со значением общей отрицательной оценки, представлена в словарях И. Керчи, Дм. Попа как аналог выражения русского понятия «плохой» – *пудлый, злый; нефайный,*

недобрий, паскудний; планый, слабый; лихый [9: 126; 15: 255]. По происхождению эта лексика – собственно славянские образования. Исключение составляет только прилагательное *нефайный* – опосредованное заимствование из немецкого языка, достаточно известное в западно- и южнославянских (некоторых) языках [29: 106].

Узнаваемая общность происхождения рассматриваемой лексики закономерно соседствует с наличием специфики функционирования данных лексем и их производных в разных славянских языках как следствие долгой собственной истории каждого славянского языка. Рассмотрим особенности функционирования и исторические связи этой лексики, имея в фокусе внимания русинский язык (языки Карпатской Руси) и его контакты с другими славянскими языками.

Возглавляет синонимический ряд и наиболее полно выражает понятие «плохой» в русинском языке лексема *пудлый* ‘плохой, худой; скверный; дурной; низкопробный’ (ср. *пудла якость* ‘скверное качество’, *на пудлой учити кого* ‘подавать дурной пример’, *у готари сего села землі... сут пудлі* ‘в угодьях этого села земли плохие’). Связь семантики прилагательного *пудлый* с общей отрицательной оценкой подтверждает и соотнесенность русинского *пудлота* ‘зло’ и русского *плохота* (прост.), русин. *майпудлый* ‘самый плохой’, *пудліти* и рус. *плошать* [9: 238]. При этом у слов *пудлый*, *пудлость* отмечается и значение частной, этической, оценки – ‘непорядочный, подлый’, ‘подлость, низость’ [9: 238]. Данным этого словаря не противоречат другие лексикографические источники, ср. Дм. Поп: рус. *плохой*, укр. *поганий* – русин. *недобрий, пўллый, паскунный*, рус. *плохо*, укр. *погано* – русин. *пўлло, паскунно* [15: 255]; И. Сабадош: *пудлый* ‘поганий, неякісний’ и ‘хворий, німичний’ [16: 299]; М.И. Онишкевич: бойк. *підлий* ‘недоброякісний, поганий’ [13: 68].

Русинскому *пудлый* в контактных языках соответствует аналогичное прилагательное, но со значением, прежде всего, этической оценки – ‘подлый, низкий (в нравственном отношении)’: польск. *podły*, чеш. *podlý*, словц. *podly*, укр. *підлий*. Ж.Ж. Варбот, занимаясь вопросом этимологии праслав. **rodъль*(ь), пришла к выводу, что в данной лексической группе однокорневых слов прослеживаются отношения внутриславянских заимствований и что первоисточником всей группы оказывается польск. *podły*, для которого отмечается широкий спектр частнооценочных значений, но прежде всего, оценка нравственная и оценка социального статуса: ‘низкий, мерзкий, бесчестный; жалкий, убогий, униженный; гадкий, дурной, неудачный’; (арх. и диал.) ‘мелкий, незначительный, ничтожный; простой, грубый, простонародный’; (диал.) ‘безобразный’ [1: 268]. Следует отметить, что и в русском языке это слово известно лишь с начала XVIII в., и со значением оценки

нравственной и социального положения, ср. у В. Даля: *подлый* – низкий, исподний, последнего качества (о человеке, сослови: из черни, холопов, крепостного сословия; о нравственном качестве: низкий, бесчестный, грязный) [3: 470].

Приведенный в работе Ж.Ж. Варбот материал литературного польского языка и особенно его диалектов позволяет говорить и о русинском *пудлый* как о заимствовании из польского языка и о расширении оценочной стороны значения до общей оценки, скорее всего, под влиянием польских диалектов. Это предположение основывается на сравнении синонимических средств выражения отрицательной оценки в литературных языках, контактных с русинским, – польском (*zły, niedobry, marny, kiepski, podly, lichy*), чешском (*špatný, zlý, nedobry, устар. kepský*), словацком (*zlý, planý, nedobry*), украинском (*поганий; недобрий, негарний; злий; слабий*), белорусском (*дрэнны, благі, кепскі, паганы, нядобры*) языках [11: 153; 28: 514; 30: 433]. Но, как известно, у этих контактных языков, по сравнению с русинским, другая степень кодифицированности, лексикографической проработки, т. е. речь идёт в данном случае о синонимии в литературных языках. Сравнение синонимических рядов, лексем, возглавляющих эти ряды, показывает, что лексические средства выражения общей отрицательной оценки в рассматриваемых славянских идиомах исторически варьируются по активности представления общей оценки. Это наблюдается и в истории русского языка: лексически выраженная оппозиция общей оценки *добрый – злой*, определяемая с праславянского периода, заменилась в XVI–XVII вв. на *хороший – плохой* (см. об этом: [4: 118–128]).

Рассмотрим лексику общеотрицательной оценки русинского языка в формате лексико-семантического поля. Ядро, центр поля определяется по данным словарей (место в синонимическом ряду, частотность как эквивалент рус. *плохой*), по приводимым в них контекстам.

Ядро поля представляет лексема *пудлый* как возглавляющая синонимический ряд. Ближайшими функционально к *пудлый* словарь И. Керчи определяет лексемы *злый* ‘злой, плохой’ и *недобрый* ‘плохой, недобрый’, *нефайный* ‘плохой, некрасивый’. Две лексемы – *злый* и *недобрый*, – употребляемые в функции общей оценки, – исконно славянские (*злойі памяти* ‘недоброй памяти’, *зла слава* ‘дурная слава’; *прийшло му недобро* ‘ему стало плохо’; *злі-недобрі* ‘паршиво, совсем плохо’) [8: 362, 576]. Ближайшим синонимом, наряду с *недобрый*, приведено в словаре И. Керчи прилагательное *нефайный* – производное от *файный* ‘хороший, добротный; славный’; ‘знатный’ (разг.) при *файнота* ‘красота, прелесть; благодать, блаженство’, *файніти* ‘хорошеть, красоваться’ [8: 596; 9: 524]. Прилагательное *файный* – заимствование в западнославянские языки из немецкого, где *fein* означает ‘тонкий,

изящный; хороший, отличный) [23: 64–65]. Если *злый, недобрый* совмещают выражение общей оценки с исходной этической, то *нефайный*, ставшее знаком общей оценки в новое время, исходной имеет этико-эстетическую оценку. Это свидетельствует о новом ракурсе историко-культурного формирования общей отрицательной оценки в русинском, как и эстетической оценки в западнославянских, частично в южнославянских языках, оказавшихся под влиянием немецкой культуры и языка.

Дм. Поп в своем русско-украинско-русинском словаре рус. *плохой* соотносит не только с русин. *недобрый, пуллый (пудлый)*, но ещё и с *паскунный (паскудный)* [15: 255]. Это прилагательное у И. Керчи приведено со значением 'некрасивый, грязный' [9: 50], в словаре А. Гната лемк. *paskudni* – 'velmi перекне, zle, škaredo' [21: 169; 26: 85]; гуцул. *паскудный* – 'поганий, противный, отвратительный, мерзкий', торун. *paskóпноој* 'плохой'. Существительное, от которого образовано в русинском языке *паскудный*, имеет значения 'паскуда, паскудник; негодяй; злодей; паршивец', т. е. семантика связана с этической оценкой (ср., гуцул. *паскуда* 'мерзавец, негодяй', бойк. *паскуда* 'мерзость, гадость', 'мерзкий, отвратительный человек', русин. *паскудь* 'гадость, погань'; (фиг.) 'грязь, уродство') и с этико-эстетической, ср. русин. *паскудный* 'некрасивый, грязный', *паскуднити* 'становиться некрасивым' [9: 50; 21: 165]. Исторически существительное *паскуда* является производным с преф. *ра- в значении 'схожий, подобный' от *skqda [2: 50; 21: 165]. И, следовательно, пейоративная оценка в слове *паскуда* возникла как сопутствующая обозначению того, что ниже нормы, «скуднее».

По мнению И. Керчи, бесприставочное *скудный* в русинском языке является редким, малоупотребительным [10: 376], а признак «скудный» обычно выражается словами *скуный; бідный* (грунт, суп) *пустный*; (об обстоятельствах) *тісний* [10: 376]. То есть можно предполагать вторичность территории распространения этого слова в русинском и других карпатских языках, учитывая, что и в словацком языке эпицентром распространения рассматриваемой лексики являются восточно-словацкие диалекты, в то время как аналог русин. *паскудный* и *паскуда* особенно широко и с большой вариативностью пейоративного значения представлен в диалектах польского языка, в западных диалектах русского языка [21: 164–169]. Ареал распространения *паскудный* и его производных ограничен западно- и восточнославянскими языками (польск., укр., рус., слвц.) [21: 164–169].

Рассматривая историю формирования центральной части лексической группы, выражающей общеотрицательную оценку в русинском языке, видим, что лексемы *пудлый, паскудный* и *злый, недобрый* являются собой исторически крайние точки языкового представления

общеотрицательной оценки и её мотивационной эволюции в русинском языке как одном из славянских языков. Это следует из того, что русин. *злый, недобрый* продолжают праславянскую традицию лексического выражения общеотрицательной оценки (оппозиция слав. *dobъ – *zъь). Позднее современное выражение общеотрицательной оценки – прилагательные *пудлый, паскудный* – в своём функционально-семантическом развитии проделало путь от старшего значения ‘низкий; нижний’, ‘исподний’, ‘близкий к земле’ к ‘простой, простонародный’, т. е. ‘незначительный/незначимый, плохой’ в социальном отношении (*пудлый*) или от ‘малый, скудный’ к ‘незначительный/незначимый, плохой’ (*паскудный*); затем развитие оценочного компонента значения шло к выражению этической, частной оценки – ‘подлый’ (о человеке в нравственном отношении), к общеотрицательному значению в диалектах польского и в русинском языке.

По семантической структуре к ближней периферии можно отнести лексему, имеющую также глубокую историю, праславянского уровня, – это русин. *лихий* ‘плохой, дурной’, ‘тяжкий, ужасный’ (*штобы сьме не тягли на лихое діло – чтоб мы не склонялись к дурному делу*), ср. гуцул. *лихо* ‘погано, зле’, бойк. *лихий* ‘поганий’ [2: 112; 8: 473; 12: 411]. С подобной семантикой частноотрицательной оценки это прилагательное (и производное наречие) известно соседним языкам, ср. зап.-слав. слов. *ličú* (книжн.) ‘ложный, обманчивый; пустой, необоснованный; неправильный’, диал. ‘ложный, обманчивый’ и ‘убогий, ничтожный, пустой’ (например, о наряде, речи); ст.-польск. *lichu* ‘несправедливый, злой; жалкий, убогий, ничтожный’, ‘мизерный, не достигающий ожидавшейся или желательной ценности, нормы; небольшой, невысокого роста’ при ст.-укр. *лихий* ‘негодный, мерзкий, злой, дурной’ [20: 100]. В то же время в южнославянских и древнерусском языках это прилагательное реализует не только оценочное, вторичное, но и конкретно признаковое, исходное значение – ‘остаточный, лишний’, ср. ст.-слав. *лихъ* ‘чрезмерный, излишний; излишний, плохой’; *лихъ быти* ‘быть лишенным, не иметь’, с.-хорв. *lih* ‘ненужный; лишённый, искалеченный; лживый, ложный; тщетный, пустой’ и ‘(о числах) нечетный’ [20: 100]; др.-рус. *лихий* ‘дурной, злой, нечестный’, ‘плохой, испорченный’, ‘излишний, чрезмерный’, ‘лишённый чего-л.’, *лихоть* ‘отклонение, неравенство’ [17: 409–410]. Участие этой лексики в выражении общеотрицательной оценки сохранилось в восточнославянской мифологии, где *Лихо* (*Лихо Одноглазое*) – это персонифицированное воплощение злой доли, горя.

Дальнюю периферию ЛСП «плохой» в русинском языке представляют прилагательные *слабый* ‘слабый, беспомощный; непрочный; плохой’, *планый* ‘дикорастущий; плохой’, в семантике которых общая отрицательная оценка соседствует со значениями нейтральными по

оценочности, т. е. сохраняется признак, на основе которого происходит оценочное обобщение. Прилагательное *слабый* (*слаба сторона* 'недостаток'; *слабо з грошми* 'туго с деньгами', *слаба образотворность* 'убогое воображение') в русинском языке, как и в других славянских языках [19: 173], обозначает качество (человека, животного, растения), которое в большинстве ситуаций сопровождается отрицательной оценкой [5: 308; 9: 345; 13: 229] (ср. рус. *он слабо разобрался в этом вопросе* и т. п.).

В словаре И. Керчи имеется указание на ограниченный ареал распространения *планый* в русинском (в словаре с пометой «областное») и близость его по значению к *пудлый* (*вшитко планой е на дашто доброй* 'нет худа без добра'; *два поля мае али барзо плани* 'у него два поля, но очень плохих'). Об этом свидетельствуют и однокорневые образования: *плани* 'становиться плохим, портиться' (*загорода без газды планила* 'сад без хозяина дичал'), *планство* (обл.) 'зло (нар.), плохота', *планка* 'дикая яблоня' [9: 86]. Как выражение общеотрицательной оценки *планый* представлено и в других источниках, ср. *планни(й)*: 1) 'поганий, марний, худий; бесполезный, напрасный; плохой' (о человеке, животном); 2) 'поганий, неродючий, неврожайний' (о растениях) и *плани* 'марніти, худнути', *планиця* 'неврожайне поле' [6: 657; 14: 234; 15: 234; 18: 237]. Это ареально ограниченное слово, предположительно, в русинский язык пришло из словацкого или чешского языков, как и ст.-блр. *планый* 'дзікі' (предположительно, из старочешского) [22: 426–427; 24: 168], где *planý* известно в значении 'дикорастущий (про растения); пустой, праздный; плохой', ср. *planý roplach* 'ложная тревога', *stat' sa planým* 'задичать, хотя подобную семантику видим и у польск. диал. *plony* 'lichy, nędzny, niełodny, biedny', *plono* 'kiepsko, lichy' [25: 466; 27: 140]. Вероятно, это западнославянская семантическая инновация, в которую вовлечен и русинский ('дикий, неплодоносящий, неурожайный' → 'пустой, плохой').

Функционирование общеоценочной лексики в качестве частнооценочной, сохранность мотивировочных признаков номинации позволяют увидеть основания становления общеоценочной семантики в лексике, используемой в русинском языке:

– *злый, недобрый, нефайный* – функциональное несоответствие норме;

– *лихий, паскудный* – количественное несоответствие норме;

– *слабый, планый* – качественное несоответствие норме;

– *пудлый* – социально-пространственное несоответствие норме.

Первые три ряда возглавляют лексемы праславянского происхождения (*злый, недобрый, лихий, слабый*), и это свидетельствует о сохранности глубоких исторических корней формирования оценоч-

ности в русинском языке, а наличие в этих рядах относительно новых лексических средств (*нефайный, паскудный, планый*) – об устойчивости моделей номинации в лексике более позднего происхождения. Новое – это использование модели пространственной характеристики социальной дифференциации в данном поле номинации (*пудлый*), представленной и в польских диалектах. Пейоративная оценка в словах *пудлый, паскудный* возникла как сопутствующая обозначению того, что ниже нормы (нравственной, социальной), в отличие от общеславянского по происхождению *лихий*, где основание отрицательной оценки – превышение нормы, остаток, лишнее – основание этической оценки.

С историко-культурной точки зрения общеотрицательная лексика нового поколения (в отличие от общеславянской) характеризуется тем, что она продолжает (вслед за *злой, недобрый*) дальнейшую реализацию абсолютной, этико-эстетической, оценки, в то время как остальные лексемы связаны с рациональной оценкой, её видами – нормативно-телеологической (*пудлый, паскудный*) и утилитарной (*планый*).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

арх. – архаическое; блр. – белорусский; бойк. – бойковский; гуцул. – гуцульский; в. – век; вып. – выпуск; диал. – диалектный; др.-рус. – древнерусский; зап.-слав. – западнославянский; лемк. – лемковский; литер. – литературный; нар. – наречие; обл. – областное; польск. – польский; праслав. – праславянский; преф. – префикс; прост. – просторечное; разг. – разговорное; рус. – русский; русин. – русинский; с.-хорв. – сербо-хорватский; слав. – славянский; слвц. – словацкий; ст.-блр. – старобелорусский; ст.-польск. – старопольский; ст.-слав. – старославянский, ст.-укр. – староукраинский; торун. – торуньский; укр. – украинский; фиг. – фигурально; чеш. – чешский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варбот Ж.Ж. К реконструкции и этимологии праслав. *rodъль(ь) // Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб.: Нестор-история, 2012. С. 268–271.

2. Гуцульські говірки. Короткий словник / відповід. ред. Я. Закревська. Львів, 1997. 232 с.

3. Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка: в 4 т. 3-е изд. М., 1955. Т. 3.

4. Дронова Л.П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск: Изд-во ТГУ, 2006. 256 с.

5. Дуда І. Лемківський словник. 26 000 слів. Тернопіль: Астон, 2011. 375 с.
6. Желеховский Е. Малорусско-німецкий словарь. Львів, 1886. Т. 2.
7. Журавлев А.Ф. Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М.: Индрик, 1999.
8. Керча И. Русинско-русский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007а. Т. 1. 608 с.
9. Керча И. Русинско-русский словарь. Свыше 58 000 слов: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007б. Т. 2. 608 с.
10. Керча И. Русско-русинский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2012б. Т. 2. 598 с.
11. Клышка М.К. Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў. Мінск: Вышэйшая школа, 1976.
12. Онишкевич М.Й. Словник бойківських говірок. Київ: Наукова думка, 1984. Ч. I.
13. Онишкевич М.Й. Словник бойківських говірок. Київ: Наукова думка, 1984. Ч. II.
14. Пиртей П.С. Короткий словник лемківських говірок. Ивано-Франківськ, 2004.
15. Поп Д. Словарь русиньско-украиньско-русский и русско-украинско-русинский. Ужгород, 2007.
16. Сабадош И. Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород, 2008.
17. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. Р.И. Аванесов. Т. 1–10. М.: Русский язык, 1989. Т. 2.
18. Турчин Е. Словник села Тилич на Лемківщині. Львів, 2011.
19. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1994. Т. 2.
20. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1988. Вып. 15.
21. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 2018. Вып. 41.
22. Этимологический словарь украинского языка: в 7 т. / голов. ред. О.С. Мельничук; укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова и др. Киев: Наук. думка, 2003. Т. 4.
23. Этимологический словарь украинского языка: у 7 т. / голов. ред. О.С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 2012. Т. 6. 567 с.
24. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / рэд. Г.А. Цыхун. Мінск: Бел. навука, 2004. Т. 9.
25. Česko-ruský slovník. 3. opravené vydání / za hlavní účasti E. Melnikova, Z. Šromové, M. Martinkové. Praha: Statní pedagogické nakladatelství, 1968. 1242 с.

26. Hnát A. Krátky rusínsky slovník. Trebišov, 2003.
27. Karłowicz J. Słownik gwar polskich: w 6 t. Kraków, 1906. T. 4.
28. Kurzowa Z., Kubiszyn-Mędrala Z., Skorzyński M., Winiarska J. Słownik synonimów polskich. Warszawa, 2003.
29. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
30. Slovník českých synonym a antonym. Brno, 2009.

REFERENCES

1. Varbot, Zh.Zh. (2012) *Issledovaniya po russkoy i slavyanskoy etimologii* [Studies in Russian and Slavic etymology.] St. Petersburg: Nestor-History.
2. Zakrevs'ka, Ya. (ed.) (1997) *Gutsul's'ki govirki. Korotkiy slovník* [Hutsul Dialects. Short Dictionary]. Lviv: [s.n.].
3. Dal, V.I. (1955) *Tolkovyy slovar' zhivogo russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Russian Language]. 3rd ed. Vol. 3. Moscow: Inostrannykh i natsional'nykh slovarye.
4. Dronova, L.P. (2006) *Stanovlenie i evolyutsiya modal'no-otsenochnoy leksiki russkogo yazyka: etnolingvisticheskiy aspekt* [The formation and evolution of modal-evaluative vocabulary in the Russian language: An ethnolinguistic aspect]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Duda, I. (2011) *Lemkivskiy slovník* [Lemko Dictionary]. Ternopil: Aston.
6. Zhelekhovskiy, E. (1886) *Malorusko-nimetskiy slovar'*. Vol. 2. Lviv: [s.n.].
7. Zhuravlev, A.F. (1999) *Drevneslavyanskaya fundamental'naya aksiologiya v zerkale praslavyanskoy leksiki* [Old Slavic fundamental axiology in the mirror of Proto-Slavic vocabulary]. In: Tolstoy, N. & Venediktov, G.K. (eds) *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Problemy leksikologii i semantiki. Slovo v kontekste kul'tury* [Slavic and Balkan Linguistics. Problems of Lexicology and Semantics. The Word in the Context of Culture.] Moscow: Indrik.
8. Kercha, I. (2007a) *Rusinsko-russkiy slovar': v 2 t.* [Rusin-Russian Dictionary: in 2 vols]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.
9. Kercha, I. (2007b) *Rusinsko-russkiy slovar': v 2 t.* [Rusin-Russian Dictionary: in 2 vols]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
10. Kercha, I. (2012) *Russko-rusinskiy slovar'. V 2 t.* [Russian-Rusin Dictionary. In 2 vols]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
11. Klyshka, M.K. (1976) *Slovník sinonimav i blizkaznachnykh slov.* Minsk: Vysheyshaya shkola.
12. Onishkevich, M.Y. (1984a) *Slovník boykivs'kikh govirok* [Dictionary of Boyko Dialects]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.
13. Onishkevich, M.Y. (1984b) *Slovník boykivs'kikh govirok* [Dictionary of Boyko Dialects]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.

14. Pirtey, P.S. (2004) *Korotkiy slovník lemkiw'skikh govirok* [Short Dictionary of Lemko Dialects]. Ivano-Frankivsk: [s.n.].
15. Pop, D. (2007) *Slovar' rusin'sko-ukrain'sko-rus'kiy i rusko-ukrainsko-rusinskiy* [Rusin-Ukrainian-Russian and Ukrainian-Rusin-Russian Dictionary]. Uzhhorod: PoliPrint.
16. Sabadosh, I. (2008) *Slovník zakarpats'koi govirki sela Sokirnitsya Khust'skogo rayonu* [Dictionary of the Zakarpattian dialect of the village of Sokirnitsa in Khust district]. Uzhhorod: PoliPrint.
17. Avanesov, R.I. (ed.) (1989) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of Old Russian Language (11th – 14th centuries)]. Moscow: Russkiy yazyk.
18. Turchin, E. (2011) *Slovník sela Tilich na Lemkivshchini* [Dictionary of the village of Tylich in the Lemko region]. Lviv: [s.n.].
19. Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t.* [Historical-Etymological Dictionary of Modern Russian Language: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
20. Trubachev, O.N. (ed.) (1988) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 15. Moscow: Nauka.
21. Trubachev, O.N. (ed.) (2018) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 41. Moscow: Nauka.
22. Melnychuk, O.S. (ed.) (2003) *Etimologicheskii slovar' ukrainskogo yazyka: v 7 t.* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language: in 7 vols]. Vol. 4. Kyiv: Naukova dumka.
23. Melnychuk, O.S. (ed.) (2012) *Etimologicheskii slovar' ukrainskogo yazyka: v 7 t.* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language: in 7 vols]. Vol. 6. Kyiv: Naukova dumka.
24. Tsykhun, G.A. (ed.) (2004) *Etymalagichniy sloŭnik belaruskay movy.* Vol. 9. Minsk: Bel. navuka.
25. Melnikova, E., Šromové, Z. & Martinkové, M. (eds) (1968) *Česko-ruský slovník.* 3rd ed. Prague: State Pedagogical Publishing House.
26. Hnát, A. (2003) *Krátký rusínský slovník* [Short Rusin Dictionary]. Trebišov: [s.n.].
27. Karłowicz, J. (1906a) *Słownik gwar polskich Kraków: w 6 t.* Vol. 4. Kraków: [s.n.].
28. Kurzowa, Z., Kubiszyn-Mędrala, Z., Skorzyński, M. & Winiarska, J. (2003) *Słownik synonimów polskich.* Warszawa: [s.n.].
29. Machek, V. (1957) *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského.* Praha: [s.n.].
30. *Slovník českých synonym a antonym.* Brno: Lingea.

Дронова Любовь Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Liubov P. Dronova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: lpdronova@mai1.ru